

© 2008 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

ИМПЕРФЕКТИВ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Имперфектив отрицания принято описывать через правило «замены» совершенного вида на несовершенный в отрицательном контексте. Это описание не обладает достаточной объяснительной силой. В работе предлагается непосредственное толкование значения имперфектива в контексте отрицания. У отрицательного имперфектива различается два значения: одно редкое, контекстно обусловленное, синхронное, когда сочетание «не + глагол НСВ» обозначает длящееся состояние (*Он не читает мое письмо*); другое основное, ретроспективное (*Он не читал моего письма*). Для утвердительного контекста сходства и различия между ретроспективным имперфективом и перфективом хорошо известны. В работе показано, что в отрицательном контексте выбор между имперфективом в ретроспективном значении и перфективом определяется практически теми же факторами, что и в утвердительном.

1. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ И КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИМПЕРФЕКТИВУ ОТРИЦАНИЯ

До последнего времени господствующим в семантике и синтаксисе отрицательного предложения был трансформационный подход. В рамках этого подхода имперфектив (несовершенный вид), равно как и генитив, в контексте приглагольного отрицания считался своего рода следствием, сопровождающим – в обязательном или в необязательном порядке – переход от исходного утвердительного предложения к соответствующему отрицательному (а именно, к предложению, которое является «прагматически естественным» общим отрицанием исходного утвердительного [Borschev e.a. 2006]). Так, в [Падучева 1974: 149] рассматривается пример: отрицанием для (1.1а), с перфективом (т.е. совершенным видом) глагола, может быть как предложение (1.1б), с глаголом в имперфективе, так и предложение (1.1в), с перфективом, которое по смыслу почти неотличимо от (1.1б).

- (1.1) а. Иван *взял* с собой плащ или куртку;
 б. Иван ни плаща, ни куртки с собой не брал;
 в. Иван ни плаща, ни куртки с собой не взял.

Замена перфектива на имперфектив при отрицании обязательна разве что в повелительном наклонении или в модальном контексте (*возьми – не бери; надо взять – не надо брать*). Существенно, однако, что в контексте примера (1.2) имперфектив не возможен. Точнее, замена перфектива на имперфектив дала бы тут существенное изменение смысла предложения, после которого оно перестало бы вставляться в свой контекст:

- (1.2) Вятский губернатор *не принял* меня <, а велел сказать, чтоб я явился к нему на другой день в десять часов> (А.И. Герцен. Былое и думы).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00181а «Актантная структура глагола и отглагольного имени (на базе словарей экспертной системы «Лексикограф» и Национального корпуса русского языка».

Трансформационная модель хорошо вписывалась в традиции русской грамматики (в частности, в подходы к синтаксису, намеченные А.М. Пешковским) и существенно продвинула вперед соответствующую проблематику. Однако ей свойственна ограниченность.

Во-первых, помимо семантически общеотрицательных предложений, у которых есть исходное утвердительное, бывают семантически частноотрицательные [Падучева 1974: 151] – такие, как:

(1.3) Он неделю *не* умывался;

(1.4) Я три дня *не* садился за стол.

Для них понятие исходного утвердительного не имеет смысла; так, (1.3) ≠ ‘Неверно, что он неделю умывался’.

Во-вторых, даже для общеотрицательных предложений трансформационный анализ – не конец дела, поскольку он не описывает общих законов семантического взаимодействия отрицания с исходным видовым значением глагола. А без этого нельзя о б ъ я с н и т ь особенности семантики видовых форм в примерах (1.1)–(1.4).

Сейчас эту ограниченность можно преодолеть. В работе речь идет о ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЯХ имперфектива в контексте отрицания. Задача – понять, какие частные видовые значения имеет имперфектив в отрицательном предложении, и как семантически соотносятся друг с другом имперфектив и перфектив в этом контексте.

Рассматриваются только п а р н ы е глаголы (поскольку только для них может идти речь о в ы б о р е сов. или несов. вида в контексте приглагольного отрицания) и только прошедшее время.

От корреляции имперфектива отрицания с генитивом имени (которая видна уже в примере (1.1)) мы здесь отвлекаемся, принимая допущение, что скорее имперфектив влияет на выбор падежа, чем наоборот.

2. РУССКИЙ ВИД В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. ГРАММАТИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ

Один из важнейших процессов в лингвистике последних лет, в котором мы являемся одними свидетелями, а другие даже участниками, – бурное развитие типологии, в частности, семантической типологии. В результате, семантика русского вида (и славянского вида в целом), которая еще недавно была предметом нашей национальной гордости и придавала славянским языкам уникальную неповторимость, теперь заняла скромное место в разветвленной системе видовых значений языков мира. Иначе говоря, представилась возможность изучения русского вида в т и п о л о г и ч е с к о й п е р с п е к т и в е.

Частные видовые значения русского имперфектива в утвердительном контексте основательно изучены [Маслов 1948; 1984; Рассудова 1968; 1982; Forsyth 1970; Бондарко 1971; Апресян 1980; Гловинская 1982; 2001; Падучева 1986; 1996; Tatevosov 2002 и др.].

Уже после первых работ Ю.С. Маслова стало ясно, что в формировании частного видового значения большую роль играют лексические факторы, и важно отличить собственно грамматическую семантику видовой формы от лексического значения глагола. Под влиянием Рейхенбаха пришло осознание того, что г р а м м а т и ч е с к а я аспектуальность – это, прежде всего, точка отсчета, которая порождает ПЕРСПЕКТИВУ, РАКУРС. Параллельно входила в обиход классификация Вендлера: стало видно, что л е к с и ч е с к а я аспектуальность – это, прежде всего, акциональный класс глагола.

В книге [Smith 1997] излагается так называемая двухкомпонентная теория вида, где четко противопоставлены два вида аспектуальности – *lexical aspect* и *viewpoint aspect*. Тут требуются уточнения (поскольку факторов не два, а больше), но роль *viewpoint* (т.е. ракурса, перспективы) как самого важного фактора собственно грамматического значения вида подтверждает идеи, высказывавшиеся по отношению к славянскому ви-

ду [Исаченко 1960; Кошмидер 1962; Маслов 1976; Падучева 1986], и потому работы Карлоты Смит привлекают к себе внимание.

Viewpoint aspect охватывает аспектуальные оппозиции, касающиеся различной временной позиции наблюдателя по отношению к одной и той же ситуации. Ср. пару *встать – вставать*: перфектив *встал* обозначает ситуацию целиком, на всем ее протяжении, в ретроспективе, или в ретроспективном ракурсе; а имперфектив *встает* (в его главном значении) представляет ту же самую ситуацию в синхронной перспективе, как наблюдаемую в один из моментов ее развития – в одной из ее срединных фаз. Термин МОМЕНТ НАБЛЮДЕНИЯ из [Гловинская 1982] соответствует нем. BETRACHTZEIT [Kratzer 1978]. Момент наблюдения противопоставлен МОМЕНТУ РЕЧИ. Момент наблюдения может совпадать с моментом речи, текущим моментом текста или какой-то иной точкой отсчета. Отсюда отличие вида, ВТОРИЧНОГО эгоцентрика (ср. ВТОРИЧНЫЙ ДЕЙКСИС по [Апресян 1986]), от времени, которое является ПЕРВИЧНЫМ ЭГОЦЕНТРИКОМ, поскольку ориентировано, в своем первичном значении, на момент речи [Падучева 1996: 285–296]).

У формы СВ ракурс фиксирован как ретроспективный – он таков во всех употреблениях. А у формы НСВ ракурс принципиально изменчив: синхронная перспектива является для формы НСВ главной, но не единственной. В центре нашего внимания будет противопоставление синхронного и ретроспективного ракурса, допускаемое формой НСВ [Падучева 1986]. (Перспективный ракурс, составляющий основу семантики буд. времени и повелительного наклонения, тоже семантически значим, но здесь не рассматривается.) Ракурс и служит источником различий и сходств в интерпретации форм СВ и НСВ. Заметим, что в работах самой Смит не усматривается разных ракурсов в семантике имперфектива в русском языке: предполагается, что ракурс только ретроспективный у СВ и только синхронный у НСВ.

Далее мы развиваем многокомпонентную концепцию вида, согласно которой частное видовое значение складывается из нескольких источников.

а. Грамматическая семантика вида

Итак, в русском языке две видовых формы – СВ и НСВ, перфектив и имперфектив, и главное противопоставление, которое выражается грамматической формой вида, – это перспектива, или ракурс. Перфектив, в своем основном значении, обозначает ситуацию «в ее целостности», целиком – а следовательно, в РЕТРОСПЕКЦИИ. Иначе говоря, перфектив предполагает, и в прош. и в буд. времени, ретроспективный момент наблюдения (т.е. ретроспективного наблюдателя), см. (2.1а). А имперфектив в его основном значении (в наст. времени) выделяет в ситуации ее СРЕДИННУЮ ФАЗУ – т.е. имеет СИНХРОННУЮ перспективу (синхронного наблюдателя). Это значение имперфектива СИНХРОННОЕ (термин «дуративное», см. [Плунгян 2000], я не считаю удачным, поскольку он использовался в другом значении во многих работах, начиная с [Timberlake 1985]). Синхронность предполагает ДЛИТЕЛЬНОСТЬ. Главная разновидность синхронного значения, для случая динамической ситуации, – это ПРОГРЕССИВ (иначе – АКТУАЛЬНО-ДЛИТЕЛЬНОЕ значение: *длительное* = длящееся; *актуально* = перед наблюдателем; всегда СИНГУЛЯРНОЕ), см. (2.1б). Мена перспективы даст РЕТРОСПЕКТИВНОЕ значение (так наз. ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ), см. (2.1в):

- (2.1) а. Иван *повесил* карту;
б. <Когда я вошел,> Иван *вешал* карту;
в. Иван *вешал* ↘ эту карту.

Форма имперфектива имеет несколько значений: кроме основного, принадлежащего сфере ЛИНЕЙНОЙ (по [Плунгян 2000]) аспектуальности, имперфектив имеет значения из сферы КОЛИЧЕСТВЕННОЙ аспектуальности, в частности, значение ПОВТОРЯЮЩЕГОСЯ события (ИТЕРАТИВ), и его производные: УЗУАЛЬНОЕ (= ХАБИТУАЛИС) и

ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ (= КАПАЦИТИВ). Совмещение пучка значений (синхронного сингулярного и нескольких итеративных) типично для имперфектива во многих языках.

Совмещение функций прогрессива и итератива в одной форме не удивительно – последовательность повторяющихся событий легко переходит в процесс. Отсюда общая сочетаемость:

- (а) Он все время *вскакивал* [итератив];
- (б) Он все время *сидел в углу* [процесс].

Сказанное позволяет представить систему грамматических значений имперфектива в следующем виде.

Рис. 1. Динамическая семантика грамматического значения имперфектива

Стрелки на рис. 1 обозначают семантические сдвиги, т.е. показывают, как одно значение «переходит» в другое (т.е. мотивирует другое). Обычно в значении меняется какой-то один компонент. Курсивом выделен компонент, который является результатом сдвига. В скобки заключается компонент, который утрачивает различительную силу. Суть компонента «приращение» не эксплицируется. Примеры значений 1–6 (отчасти из работ [Рассудова 1968; Маслов 1984; Гловинская 1982]).

- 1. ПРОГРЕССИВ: Когда я вошел в аудиторию, он *вешал* карту.
- 2. ИТЕРАТИВ: Почему ты все время *вскакиваешь*?
- 3. ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ИЗ ИТЕРАТИВА:
Ты когда-нибудь *вешал* ↗ эту карту? [= 'хоть раз']
Мы с вами *встречались* [= 'возможно, не один раз'].
- 4. ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ИЗ ПРОГРЕССИВА:
Ты ↗ *вешал* эту карту?
Я *встречался* с приятелями (ср. Я *встречаюсь* с приятелями в значении предстояния).
- 5. УЗУАЛЬНОЕ: Перед занятием он *вешает* карту.

6. ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ:

Хороший был слесарь – любые замки *чинил*;
А ты и на скрипке *играешь*?

Синхронное (и длящееся) значение имперфектива бывает только у ПРЕДЕЛЬНОГО глагола, см. (2.2а); МОМЕНТАЛЬНЫЙ глагол не обозначает действия, которое можно было бы рассматривать в синхронной перспективе. Термины «предельный» и «моментальный» глагол я использую как перевод на русский язык вендлеровских терминов «accomplishment» и «achievement».

О п р е д е л е н и е. ПРЕДЕЛЬНЫМ называется глагол, имеющий видовую пару, в которой НСВ способен употребляться в актуально-длительном значении.

Иными словами, предельным является глагол, допускающий, без изменения лексического значения, две перспективы – синхронную и ретроспективную.

Пример (2.2б) показывает, что для моментального глагола возможна только ретроспекция; так что предложение (2.2в), где форма наст. времени фиксирует синхронную перспективу, может быть понято только в хабитуальном значении или в значении предстояния:

(2.2) а. Когда я вошел в аудиторию, он *вешал* карту [предельный глагол; синхронное значение НСВ];

б. Я *встречался* с друзьями [моментальный глагол; ретроспективное сингулярное значение НСВ];

в. Я *встречаюсь* с друзьями [хабитуальное динамическое или предстояние].

Итак, «общефактическое» значение (в сингулярном варианте; на рис. 1 это пункт 4) имеет два источника; оно может быть мотивировано: а) прогрессивом – когда контекст создает ретроспекцию, и б) итеративом – когда контекст обеспечивает сингулярность. Так что в семантике имперфектива линейная и количественная аспектуальность неотделимы одна от другой. Значение 3, поскольку оно итеративное и ретроспективное, является и итеративным (не сингулярным) и общефактическим (не синхронным). Важные наблюдения над общефактическими значениями русского имперфектива сделаны в [Groen 2004].

6. Лексически обусловленные частные видовые значения имперфектива

1. Значения, возникающие на базе прогрессива от не-динамических и моментальных глаголов:

– от ПОСТОЯННЫХ СВОЙСТВ или СООТНОШЕНИЙ:

Окна гостиницы *выходят* на юг [постоянно-непрерывное значение по [Бондарко 1971: 30]].

– от ОБОБЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ (generic states по Вендлеру):

Иван *выращивает* новый сорт пшеницы [континуальное значение];
Его жена *руководит* аспирантом.

– от МОМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:

(2.3) а. Он *выигрывает*, Мы *опаздываем* [тенденция];

б. Вы *ошибаетесь*, Ты *рискуешь* [интерпретация поступка];

в. Итак, я *прихожу* к вам завтра в семь [предстояние, наст. время];

г. Его *осуждали* на пять лет, но тут вышел указ [предстояние, прош. время];

В 1980 году *исполнялось* столетие со дня рождения Блока;

На следующей неделе он *уходил* в отпуск.

2. Значения, возникающие на базе ретроспекции:

– от НЕПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:

<Где мои ключи?> Они *лежали* на столе; Вы искали комсданта? [общефактическое неопределённое; по [Гловинская 1982] – нерезультативное]

– от ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:

Я их однажды на Фонтанку *подвозил*; Я вас *предупреждал*; Он *показывал* мне ее фотографию; [общефактическое результативное]

– от РЕВЕРСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ:

К тебе кто-то *приходил* (= 'пришел и ушел'); Ты *открывал* окно? [общефактическое реверсивное: результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием / событием]

– от глаголов ПОПЫТКИ, т.е. конативных:

Я *умолял* ее вернуться; Кто *решал* эту задачу? *Объяснял*, да не объяснил. [конативное по [Бондарко 1971: 27]: действие не достигло / не обязательно достигло) цели]

Предельность в общем случае является свойством не глагола, а глагольной группы. Так, неисчисляемая ИГ-накопитель переводит предельный предикат в неопределённый (*ловить бабочку* действие – *ловить бабочек* деятельность). То же касается числовых ИГ-накопителей¹, см. обзор по проблеме АСПЕКТУАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ (работы Х. Феркейла, М. Крипки, Д. Даути, Х. Филип, С. Татевосова и др.) в [Paducheva, Pentus 2008]. Так что утверждение о том, что предельность обусловлена лексически, надо понимать расширительно: на самом деле – лексико-синтаксически.

З а м е ч а н и е. Ю.С. Маслов, который ввел термин «общефактическое значение», применял его преимущественно к результативным употреблениям имперфектива, как в (2.1в). Расширенное употребление термина «общефактическое значение» в [Апресян 1980; Гловинская 1982] привело к знаку равенства между терминами «общефактический» и «ретроспективный».

в. Синтаксически обусловленные частные видовые значения имперфектива

Видовое значение называется СИНТАКСИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫМ, если в его толкование входит упоминание значения, выражаемого именно данным синтаксическим фрагментом предложения.

Дуратив (по [Timberlake 1985]) – это значение, которое возникает в контексте обстоятельства длительности:

(2.4) В этом ущелье с июля по октябрь геологи *искали* алмазы (пример из [Гловинская 1982]).

Контекст обстоятельства длительности может создавать ретроспективный ракурс, но в этом случае ракурс полностью обусловлен семантикой обстоятельства – если обстоятельство таково, что в его семантику входит синхронный наблюдатель, то значение будет синхронным:

(2.5) Шестой уж год я *царствую* спокойно (Пушкин).

¹ Термин «накопитель эффекта» предлагается как перевод для англ. *incremental theme* в [Падучева 2004а].

В [Гловинская 1982] употребления типа (2.4) отнесены к общефактическим. Но тогда утрачивается важнейшее свойство общефактических значений [Гловинская 1982: 120] – временная неопределенность. Кроме того, для обстоятельства длительности не обязательна ретроспекция, см. (2.5). И вообще, общефактическое (ОФ) значение свойственно моментальным и предельным глаголам, а дуративное – процессуальным и неопределенным. Так что дуративное значение, по нашему мнению, не общефактическое.

Редчайший пример глагола, который допускает дуративное значение, не имея актуально-длительного, – *видеться*:

- (2.6) 1) °Они сейчас *видятся* [исключено сингулярное актуально-длительное значение];
2) Они *виделись* в Петербурге [общефактическое результативное];
3) Они *видятся* по пятницам [хабитуальное];
4) Они *виделись* всего несколько минут [дуратив].

Есть масса глаголов, которые в ряде свойств совпадают с *видеться*, но они не имеют дуративного значения:

- (2.7) *Они *встречались* несколько минут [возможно только на несколько минут].

В [Бондарко 1971] особое значение усматривается у имперфектива в контексте обстоятельства **кратности**, поскольку имперфектив тут противопоставлен перфективу:

- (2.8) а. *целовал* три раза [в жизни];
б. три раза *поцеловал* [в некоторый момент].

Однако все нужные различительные свойства имперфектива в (2.8а) (например, временная неопределенность) вытекают из идентификации значения имперфектива как ретроспективного (= несингулярного общефактического) итератива. Так что у имперфектива в (2.8) мы не усматриваем отдельного частного видового значения.

г. Частные видовые значения имперфектива, обусловленные режимом интерпретации

В контексте наст. «исторического», т.е. наст. времени нарративного режима, имперфектив имеет одно особое частное видовое значение, очень близкое к значению перфектива, хотя и не тождественное ему. Это значение не имеет общепринятого названия; будем называть его СОБЫТИЙНЫМ:

- (2.9) В 1994 году Солженицын *возвращается* [= *вернулся*] в Москву.

Это событийное значение имперфектива в контексте наст. исторического противопоставлено обычному прогрессиву:

- (2.10) Я его *спрашиваю* [событийное значение], а он *молчит* [прогрессив].

д. Дискурсивные функции имперфектива

Помимо внутрифразовых функций, о которых шла речь до сих пор, у видовых форм есть ДИСКУРСИВНЫЕ. Для формы имперфектива первичной дискурсивной функцией является СИНХРОННАЯ – в противоположность первичной СЕКВЕНТНОЙ функции перфектива (см. обзор литературы в [Падучева 2008 (в печати)]). Дискурсивные функции русского вида вытекают из значения этих форм в независимом высказывании (хотя в других языках, согласно [Плунгян 2004], вид может иметь одни только дискурсивные функции).

3. СИНХРОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРФЕКТИВА ОТРИЦАНИЯ: СОСТОЯНИЕ НЕНАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ

Вернемся теперь к частным видовым значениям имперфектива в контексте отрицания в прош. времени.

До сих пор не обращалось внимания на то, что имперфектив с отрицанием в прош. времени (от парных нестативных глаголов) употребляется, как правило, не в актуально-длительном значении, которое является синхронным, а в общефактическом, т.е. ретроспективном:

(3.1) Я *не читал* твою статью.

В самом деле, в примере (3.2), где интерпретация синхронная, она форсированная – отрицание воспринимается как контрастность:

(3.2) Я *не читал* твою статью, когда ты позвонил [, а делал что-то еще].

Синхронная интерпретация отрицательного имперфектива возможна для непарных глаголов, как в (3.3), (3.4):

(3.3) Когда ты позвонил, я *не спал*.

(3.4) Я тебе что-то говорил, но ты *не реагировал*.

Что же касается парных глаголов, то у них синхронная интерпретация отрицательного имперфектива возможна лишь как следствие некомпозиционного взаимодействия глагола с отрицанием. А именно, сочетание «глагол НСВ + отрицание» может описывать СОСТОЯНИЕ НЕНАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЯ (примеры (3.7), (3.8) – из Национального корпуса русского языка, далее – НКРЯ):

(3.5) Почему он *не забирает* свою байдарку?

(3.6) – Родственник? – спросил он <...> Я *не отвечал*, но так же прямо смотрел в глаза его превосходительства (Герцен. Былое и думы).

(3.7) А вот Марат Сафин <...> после турнира в «Куинс-клубе» *не покидал* Альбион.

(3.8) Он настаивал на том, чтобы тётя <...> *не продавала* дом, окутанный приятными воспоминаниями детства.

Состояние ненаступления события – это синтаксически обусловленное частное видовое значение: оно возникает за счет того, что глагол в контексте отрицания переходит в другой акциональный класс: глагол без отрицания обозначает действие или событие, а в сочетании с отрицанием – СОСТОЯНИЕ несовершенства действия / ненаступления события.

Наблюдение о том, что сочетание событийного глагола с отрицанием может обозначать длящееся состояние, было сделано еще О.П. Рассудовой [Рассудова 1982: 67], которая приводит, в частности, следующий пример:

Я подошел и остановился в двух шагах. Они *не замечали* меня (А. Куприн).

Состояние ненаступления события лучше всего видно в контексте обстоятельства длительности. Глагол НСВ с отрицанием в (3.9б) не просто указывает на то, что действие не имело места – как в контексте примера (3.10); несов. вид в сочетании с показателем длительности (в (3.9б) – *месяц*) означает, что имеется в виду длящееся состояние:

(3.9) а. Я *не брал* у нее свои деньги месяц;

б. Я *не беру* у нее свои деньги уже месяц.

(3.10) Я *не брал* деньги.

Состояние ненаступления события может занимать определенный временной интервал, и адвербиал указывает длительность этого интервала:

(3.11) *не брал деньги месяц* = 'неверно, что в какой-то момент – на интервале в месяц – <хоть раз> взял' [итеративность / сингулярность несовершенного действия зависит от контекста].

Как мы видим, тут глагол с отрицанием входит в сферу действия адвербиала, а не глагол с адвербиалом – в сферу действия отрицания. Поэтому форме НСВ (*брал, беру*) самой по себе здесь нельзя приписать ни одного из видовых значений, возможных для этого глагола в утвердительном контексте.

Отметим отличие значения ненаступления от других стативных значений имперфектива. В (3.12а) у имперфектива с отрицанием значение тоже стативное, но это обычное значение тенденции – оно возможно и без отрицания. Если из (3.12а) убрать отрицание, видовое значение останется то же, см. (3.12б):

(3.12) а. Теперь я уже *не попадаю* на концерт [= 'я нахожусь в некоем состоянии – таком что если оно продлится, то не попаду'];

б. Теперь я *попадаю* на концерт [тенденция]. Ср. Я *опаздываю* на концерт.

Между тем значение ненаступления события порождается контекстом отрицания.

Итак, у отрицательного имперфектива есть одно, контекстно обусловленное и достаточно редкое, синхронное значение. Между тем в основных и самых распространенных употреблениях отрицательный имперфектив имеет ретроспективную интерпретацию.

Значения ретроспективного имперфектива в положительном контексте известны – они описываются через соотношение с перфективом, который тоже ретроспективный. В некоторых контекстах возникает квазисинонимия НСВ и СВ (так называемая конкуренция видов); сходства и различия между НСВ ретроспективным и СВ подробно описаны в [Падучева 1996: 53–65]. Можно думать, что в отрицательном контексте НСВ ретроспективное семантически соотносится с СВ так же, как в положительном. Если это так, т.е. если ретроспективное значение имперфектива в положительном и отрицательном контексте одно и то же, то выбор вида глагола при отрицании, равно как и семантика видовой формы в отрицательном контексте, определяется теми факторами, с которыми мы уже имели дело в положительном.

4. РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРФЕКТИВА ОТРИЦАНИЯ

Итак, мы обратимся к контекстам, где имперфектив с отрицанием имеет ретроспективное значение, как в (3.1) или в (3.10). Моя цель – показать, что отличия ретроспективного имперфектива от перфектива в контексте отрицания практически те же, что в положительном контексте. После этого возможности замены перфектива на имперфектив при отрицании предложения будут ясны сами собой.

Ниже мы рассмотрим несколько аспектуально значимых классов глаголов.

4.1. Предельные глаголы.

Из предельных глаголов мы рассмотрим только действия. Схема толкования этих глаголов состоит из следующих компонентов (сокращения: МН – момент наблюдения).

Схема 1. Толкование глагола предельного действия в СВ

(а) Х действовал с Целью [компонент «деятельность»]

(б) это вызвало [компонент «каузация»]

(с) возник и в МН имеет место результат, соответствующий Цели Х-а [компонент «результат»]

Например, для глагола *открыть* получаем следующее схематическое толкование:

Х открыл Y =

- (a) *Х действовал с Целью: воздействовал на Y (определенным образом)*
- (b) *это вызвало*
- (c) *возник и в МН имеет место результат: наступило новое состояние Y-а, соответствующее Цели X-а*

У предельных действий, по определению, форма НСВ имеет актуально-длительное значение: деятельность *Х-а* может быть названа тем же глаголом в форме НСВ. Иначе говоря, их семантика такова, что допустим перенос фокуса внимания с компонента (c) «результат», соответствующего перфективу (*открыл*), на компонент (a) «деятельность», соответствующий имперфективу (*открывал*).

Схема 2. Толкование предельного глагола в НСВ (пример толкования):

Х открывает Y =

- (a) *в МН X действует с Целью: воздействует на Y (определенным образом);*
- (b) *если воздействие не прекратится, то:*
- (c) *в момент t > МН возникнет результат: наступит новое состояние Y-а, соответствующее Цели.*

«Деятельность» и «результат» – это ГЛАВНЫЕ семантические компоненты СВ. В семантику СВ входят также три ПЕРИФЕРИЙНЫХ компонента [Падучева 1996: 53–58], о которых будет сказано ниже.

В классе предельных глаголов две разновидности – конативы и не-конативы.

4.1а. Конативы.

Конативы – это действия, у которых деятельность составляет пресуппозицию, а асерцией является достижение результата, см. в [Апресян 1980: 64] о глаголах *решишь*, *догнать* и в [Гловинская 1982: 89] о видовых парах типа ‘действовать с целью’ – ‘достичь цели’.

Презумптивный статус компонента (a) «деятельность» дает себя знать в контексте отрицания – между отрицательным перфективом и отрицательным имперфективом имеется отчетливое различие (ср. обсуждение в [Падучева 1996: 112]):

(4.1) а. *не решил* = ‘пытался решить и не решил’;

б. *не решал* = ‘не пытался решить’.

Такая же разница в парах из (4.2) и многих других:

(4.2) не объяснил – не объяснял,
не уговорил – не уговаривал,
не догнал – не догонял.

Таким образом, общеотрицательным коррелятом для предложения (4.3а) может быть только (4.3б) – для более сильного отрицательного смысла (4.3в) ‘даже не решал’ семантика предложения (4.3а) не дает оснований:

(4.3) а. Ваня *решил* задачу;
б. Ваня *не решил* задачу;
в. Ваня *не решал* задачу.

Итак, конативы составляют контекст, в котором «трансформация отрицания» принципиально НЕ сопровождается заменой исходного СВ на НСВ:

(4.4) НСВ общесфактическое ≠ СВ.

В самом деле, при отрицании глагола конативной группы компонент «деятельность» в НСВ отрицается, а в СВ входит в пресуппозицию; так, *не решал* ≠ *не решил*.

Возьмем еще глагол *догнать*. В [Smith 1997: 257] он отнесен к моментальным глаголам (achievements). Между тем *догнать* имеет парный имперфектив *догонять*, с нормальным прогрессивом, и по нашим определениям должен быть отнесен к подклассу конативов класса предельных глаголов. Не удивительно, что он ведет себя по отношению к отрицанию как конатив: *не догнал* имеет презумпцию 'догонял', и потому *не догнал* ≠ *не догонял*.

Есть контексты, которые отменяют в семантике конатива презумптивный статус компонента «деятельность», как в примере (4.5) из [Гловинская 2001: 106] или (4.6) из [Падучева 2004б: 39]:

(4.5) Почему же вы *не убедили* его поехать с нами?

(4.6) Почему ты *не уговорил* его остаться?

Скорее всего, упрек касается компонента «деятельность», так что этот компонент лишается своего презумптивного статуса. Тем не менее, и в этом случае СВ и НСВ не синонимичны. Дело в том, что семантика конативного глагола характеризуется отчетливым членением ситуации на два компонента – попытка и успех; глагол в НСВ обозначает только попытку, и отрицание глагола понимается как отрицание попытки; чтобы отрицать ситуацию в целом, нужен СВ.

Итак, в случае конатива отрицание не должно сопровождаться заменой перфектива на имперфектив: СВ и НСВ и под отрицанием имеют разный смысл, причем различие формулируется на основных компонентах их значения – «деятельность» и «результат».

4.16. Действия предельные не конативы.

При с и н х р о н н о м ракурсе имперфектив у действий предельных не конативов в утвердительном предложении имеет значение действия в развитии, так что НСВ синхронное и СВ противопоставлены четко – так же, как у конативов. Однако при р е т р о с п е к т и в н о м ракурсе имперфектив предельного действия, в принципе, может развивать, особенно при поддержке контекста, результативное значение – что конативу (в сингулярном варианте) не свойственно. Так, у *читать* в (4.5а), обычное предельное действие, имперфектив может пониматься в результативном смысле – в отличие от конативного *решать* в (4.5б), которое не может:

(4.5) а. Кто *читал* эту статью? Я *читал* эту статью [может значить 'и прочитал'];

б. Кто *решал* эту задачу? Когда ты *решал* эту задачу? [в контексте единичности вопрос не подразумевает 'и решил']

Соответственно, в отрицательном контексте ретроспективное значение НСВ у предельных действий противопоставлено СВ не так четко, как у конативов; оба компонента могут подвергаться отрицанию – не только результат, но и деятельность. Так, для предложения (4.6а) самое естественное понимание – такое, при котором оно квазисинонимично (4.6б):

(4.6) а. Я *еще не прочитал* вашу статью;

б. Я *еще не читал* вашу статью.

Компонент «деятельность» у предельных действий не конативов не составляет пресуппозиции и легко попадает в сферу действия отрицания. Больше того, само членение ситуации на эти два компонента становится нечетким.

Среди предельных глаголов не конативов основной – прототипический – подкласс составляют глаголы с семантикой «постепенного накопления эффекта» [Гловинская 1982: 78].

Схема 3. Толкование глаголов постепенного накопления эффекта в СВ:

- (a) X действовал с Целью [»деятельность»]
- (b) это вызвало:
 - (с') шел процесс в объекте, синхронный деятельности субъекта [«накопление эффекта»];
 - (b') в итоге
- (c) возник результат, соответствующий Цели [«результат»]

Фраза (4.6a) может быть употреблена в контексте, когда человек и не начинал читать, так что *не прочитал* и *не читал* сближаются по смыслу. Прямой оппозиции видов, когда отрицание СВ предполагает деятельность, которую НСВ отрицает, в (4.6), в отличие от (4.3), нет. В результате, у глаголов постепенного накопления результата НСВ общефактическое $\approx$ СВ.

В [Smith 1997: 256] приводится со ссылкой на [Рассудова 1982] пример отчетливого противопоставления СВ и НСВ в контексте отрицания:

- (4.7) а. Спортсмен еще *не отдохнул*;
- б. Спортсмен еще *не отдыхал*.

Значения (4.7a) и (4.7б) четко различны: фраза (4.7a) допускает наблюдателя в точке, когда отдых уже начался, но еще не кончился; а (4.7б) отрицает ситуацию целиком. При этом в [Smith 1997] глагол *отдохнуть* причисляется к предельным (accomplishments), что ставит под сомнение только что сформулированное правило. На самом деле, однако, глагол *отдохнуть* предельным не является. Скорее он примыкает к делимитативам. Например, он сочетается с обстоятельствами длительности – что исключено для всех глаголов СВ, кроме делимитативов [Всеволодова 1997: 25]. Так что пример (4.7) не опровергает положения о том, что у обычных предельных глаголов значения НСВ общефактического и СВ сближаются – во всяком случае, по линии достижения результата.

Итак, у предельных действий не-конативов СВ не наделяет компонент «деятельность» статусом пресуппозиции, которую отрицание не могло бы отрицать; и поскольку отрицание деятельности влечет отрицание результата, отрицание СВ и НСВ оказываются квазисинонимичны:

- (4.9) Эти люди *не платили* денег за билет, а остались здесь с предыдущего матча. [НКРЯ] [*не платили* $\approx$ *не заплатили*].

Как известно, квазисинонимия НСВ общефактического и СВ возникает уже в положительном контексте: *платили* может означать 'заплатили'. Разница между положительным и отрицательным контекстом, однако, есть: имперфектив в результативном сингулярном общефактическом, т.е. ретроспективном значении употребляется в отрицательном контексте значительно шире, чем в утвердительном. Так, в примере (4.10) имперфектив отрицания квазисинонимичен перфективу, см. (4.10a); а имперфектив без отрицания не имеет результативного значения – по крайней мере, однонаправленного, см. (4.10б):

- (4.10) а. Коля не возвращался ≈ Коля не вернулся;
б. Коля возвращался ≠ Коля вернулся.

Про *вылететь* в [Гловинская 1982: 130] справедливо говорится, что его НСВ не имеет общефактического результативного однонаправленного значения 'вылетел'. Между тем под отрицанием это понимание возможно:

- (4.11) а. °Самолет *вылетал* из Москвы;
б. Самолет не *вылетал* из Москвы.

Так или иначе, мы вправе заключить, что у предельных глаголов не конативов отрицательный имперфектив в плане результативности сближается с отрицательным перфективом – аналогично тому, как в утвердительном предложении сближается с перфективом НСВ общефактический.

4.2. Моментальные глаголы.

Среди моментальных глаголов есть такие, у которых имперфектив обозначает состояние, наступившее в результате события (перфектное состояние). Это глаголы, которые входят в ПЕРФЕКТНЫЕ ПАРЫ: пары, где НСВ – статив, например, *понять* – *понимать*, *заслонить* – *заслонять*, *услышать* – *слышать* [Падучева 1996: 152–160]. Их мы рассмотрим в разделе 4.2б. А вначале о динамических моментальных глаголах, у которых НСВ не обозначает перфектное состояние.

4.2а. Моментальные динамичные.

У динамических моментальных глаголов (таких как *приходить*, *находить*, *замечать*, *заходить*) имперфектив не имеет значения действия в развитии (т.е. действия, длящегося на определенном интервале). Иными словами, моментальные действия – это действия с акцентом на результате: они несовместимы с прогрессивом, поскольку он требует синхронной перспективы (синхронного наблюдателя), когда в фокусе внимания деятельность. Нельзя сказать:

*Он сейчас *приходит*, *находит*, *замечает*, *узнает* меня (в смысле 'recognize'), *заходит* к приятелю.

При этом не обязательно, чтобы наступление результирующего состояния было действительно моментальным; например, парного НСВ актуально-длительного может не быть потому, что деятельность, приведшая к результату, называется другим глаголом (*идти* для *прийти*; *искать* для *найти* и т.д., см. [Падучева 2004б: 40]).

При ретроспекции результативное сингулярное значение возникает у имперфектива моментального глагола (в утвердительном контексте) без затруднений:

- (4.12) а. Кто-нибудь *находил* мои очки? [≈ *нашел*]
б. Я у вас ручку *брала*. [≈ *взяла*]

В самом деле, у моментальных глаголов (в широком смысле – *взять*, *подписать*, *подойти* ведут себя как моментальные) компоненты «деятельность» и «достижение результата» не отделены один от другого – так же, как у предельных не-конативов: они утверждаются и отрицаются сразу оба. Но если у предельного глагола НСВ ретроспективный и СВ могут различаться по параметру результативность – тем, что у формы НСВ результативность отсутствует и она сохраняет свое значение срединной фазы, как в примере (4.10б), – то у моментального этой возможности нет (поскольку у него нет прогрессива): значение НСВ ретроспективного у моментального глагола в положительном контексте включает результативность, будучи производным от итератива. Соответственно, при отрицании имперфектива моментального глагола отрицается и деятельность, и результат, так что имперфектив не отличается от перфектива:

- (4.13) *находил* ≈ <хоть раз> *нашел*; не *находил* ≈ <ни разу> не *нашел*.

Отрицательный имперфектив моментального глагола может пониматься в сингулярном результативном значении в контексте, где для неотрицательного такое понимание невозможно (т.е. дело обстоит так же, как с предельным глаголом, см. пример (4.10)):

- (4.14) а. °Коля *находил* свой ключ [$\neq$ Коля *нашел* свой ключ];
б. Коля *не находил* своего ключа [= Коля *не нашел* своего ключа].

Итак, в плане результативности СВ и ретроспективный НСВ моментальных глаголов равны. Если между ними ощущается различие, то оно касается периферийных компонентов значения СВ. Остановимся на этом подробнее.

Грамматическое значение глагола СВ в утвердительном контексте составляется из нескольких компонентов [Падучева 1996: 54]. Компоненты «деятельность» и «результат» – основные, см. 1) и 2), компоненты 3)–5), периферийные. У НСВ общефактического компоненты 3)–5) отсутствуют.

Смысловые компоненты значения СВ глагола действия:

- 1) деятельность [основной компонент];
- 2) результат [основной компонент];
- 3) сохранение итогового состояния в момент наблюдения [периферийный];
- 4) сингулярность [периферийный];
- 5) временная определенность [периферийный].

Ретроспективный имперфектив предельного глагола может отличаться от перфектива нерезультативностью. Но у моментального глагола, у которого нерезультативное понимание НСВ исключено, периферийные компоненты 3)–5) остаются единственным возможным источником различия между СВ и НСВ.

Что касается положительных контекстов, то роль компонентов 3)–5) как источника различия между НСВ общефактическим и СВ была продемонстрирована в [Падучева 1996: 53–65]. Пример:

- (4.15) а. Мне *предложили* написать рецензию на эту книгу;
б. Мне *предлагали* написать рецензию на эту книгу.

Различие между (а) и (б) в (4.15) касается компонента 3) «сохранение итогового состояния»: фраза (а) означает, что в момент речи сделанное предложение остается в силе, а (б), скорее всего, что нет – например, я отказался или слишком медлил с ответом. Аналогичные различия могут возникать в соответствующих контекстах, в парах *вызывать – вызвать, посылать – послать, дать – давать, взять – брать, получать – получить*.

Те же компоненты 3)–5) отличают НСВ моментального глагола от СВ в отрицательном контексте. Различие в этих периферийных компонентах и дает то, что мы называем квазисинонимией НСВ общефактического и СВ.

Квазисинонимия имеет место и в отрицательном контексте. Ярче всего проявляет себя компонент 5; так, временная неопределенность отличает НСВ в (4.16а) от СВ в (4.16а):

- (4.16) а. *не получил* стипендию;
б. *не получал* стипендию.

Фразы (4.16а) *не получил (стипендию)* и (4.16б) *не получал (стипендию)* обе обозначают несостоявшееся событие; но в (4.16а) речь идет о событии, не состоявшемся в **н е к и й м о м е н т**, а в семантике (4.16б) время не фиксировано. Примеры из Национального корпуса русского языка:

- (4.17) Ни головная компания, ни ее «дочки» *не подавали* [$\approx$ *не подали*] заявление в ГТК;
(4.18) Вернее, он и *не просил* [$\approx$ *не попросил*] прощения, и давно забыл обо мне.

Аналогичным образом соотносятся *не предложили* и *не предлагали*, *не показал* и *не показывал*, *не говорил* и *не сказал*, *не вызвал* и *не вызывал* <такси>, *не попадался* и *не попался*.

З а м е ч а н и е. Различие на периферийный компонент может, все-таки, оказаться существенным. Так, человек, который опровергает факт убийства Иваном Грозным своего сына Ивана, скорее всего, скажет фразу (а), но не (б) – фраза (б) требует пояснений относительно того, что все-таки имело место:

(а) Иван Грозный *не убивал* своего сына;

(б) Иван Грозный *не убил* своего сына.

Более того, в контексте примера (в) (фраза из фельетона Дмитрия Быкова) уместен только СВ, поскольку НСВ ретроспективный принципиально не фиксирует времени несовершения события:

(в) Прошло 400 лет с тех пор, как Иван Грозный *не убил* (**не убивал*) своего сына.

Отличия НСВ общефактического от СВ, как с отрицанием, так и без, возникают за счет того, что обе формы могут обрастать семантическими приращениями. Так, имперфектив, переключая акцент с результата на деятельность, имплицитно подразумевает понимание события в значении сознательного акта выбора (см. [Булыгина, Шмелев 1989; Partee 1973]):

(4.19) а. Я *не выключила* плиту [в одном из пониманий – ‘забыла’];

б. Я *не выключала* плиту [скорее сознательный выбор].

(4.20) а. Я *не взяла* ключи [в одном из пониманий – ‘забыла’];

б. Я *не брала* ключи [скорее сознательный выбор].

Аналогично в примере из [Падучева 1996: 56]:

(4.21) а. Я тебя *не перебил*? [нечаянно]

б. Я тебя *не перебивал*. [сознательно]

Еще один компонент, отличающий ретроспективный имперфектив от перфектива, – «ожидание» (отмечен в [Рассудова 1968: 20]). Рассказ Гр. Горина «Почему повязка на ноге?» начинается с анекдота:

Приходит больной к доктору. У больного забинтована нога. – Что у вас болит? – спрашивает доктор. – Голова, – отвечает больной. – А почему повязка на ноге? – Сползла...

Вопрос доктора *А почему повязка на ноге?* в контексте этого рассказа мог бы звучать и как (4.22а) и как (4.22б):

(4.22) а. А зачем Вы *завязывали* ногу?

б. А зачем Вы *завязали* ногу?

Но ответ рассказчика анекдота на вопрос «человека без чувства юмора» звучит как (4.23а) и не мог бы звучать как (4.23б):

(4.23) а. – Да он *не завязывал* ногу! – сказал я. – Он *завязал* голову!

б. Он *не завязал* ногу.

Почему предложение (4.23б), с перфективом, неуместно в этом контексте? Потому что перфектив означал бы, что не произошло событие, которое ожидалось.

Если глагол обозначает не действие, а происшествие, то речь идет не об ожидании, а о возможности события, ср. *Я не терял паспорт* и *Я не потерял паспорт*.

4.26. Моментальные стативные.

Особое поведение в контексте отрицания свойственно моментальным глаголам типа *понять* – *понимать*, с ПЕРФЕКТНЫМ значением НСВ (класс ‘начать быть в состоянии’ – ‘быть в состоянии’ в [Гловинская 1982]). У них НСВ не имеет общефактического результивного значения: *Кто понимал?* не имплицитует *Кто понял?* (в том смысле, в каком *Кто покупал?* имплицитует *Кто купил?*). Соответственно, нет и квазисинонимии НСВ прош. ≈ СВ прош. в речевом режиме: у НСВ этих глаголов нет динамики, направленной на переход в новое состояние.

Различие между моментальными динамическими глаголами и моментальными перфектными показывает пример:

- (4.17) а. – Ты *взял*? – Нет, я не *брал*. [*брать* – глагол моментальный динамический; СВ и НСВ ретроспективное квазисинонимичны; *не брал* ≈ *не взял*]
б. – Ты *понял*? – *Нет, я не *понимал*. [*понимать* – глагол моментальный перфектный]

В положительном контексте речевого режима сближаются значения форм НСВ прош. ≈ СВ наст. – в силу компонента 3) семантики СВ «сохранение итогового состояния в момент наблюдения», особенно важного для перфектных пар [Падучева 1996: 152]:

- (4.18) *понял* [НСВ.прош.] ≈ *понимаю* [СВ.наст.].

Соответственно, отрицательное предложение (4.19а) близко по смыслу к (4.19б) (в силу перфектного значения НСВ), но не к предложению (4.19в), которое нас интересует:

- (4.19) а. Я этого *не понял* [СВ прош.];
б. Я этого *не понимаю* [НСВ наст.];
в. Я этого *не понимал* [НСВ прош.].

Суммируем сказанное о частных видовых значениях имперфектива в контексте отрицания и отличии имперфектива от перфектива.

У отрицательного имперфектива имеется одно собственное частное видовое значение – состояние ненаступления события; этого значения нет у имперфектива за пределами контекста отрицания. Отличие фразы *Я не потерял надежды*, с перфективом, от *Я не теряю надежды*, с имперфективом, формулируется в терминах акциональных классов: первая просто отрицает наступление события, а вторая описывает длящееся состояние ненаступления.

В остальных контекстах частное видовое значение отрицательного имперфектива может быть идентифицировано как общефактическое, т.е. ретроспективное.

Выделено четыре класса парных глаголов. Отличие имперфектива от перфектива может касаться главных компонентов семантики вида – деятельность и достижение результата – и периферийных.

1а. Предельные конативные. В отрицательном контексте имперфектив отрицает и деятельность и (само собой) результат, а перфектив отрицает только результат, деятельность в пресуппозиции. Таким образом, отрицательный имперфектив не совпадает с перфективом уже на уровне основных компонентов; НСВ ≠ СВ. Например, *не решал* ≠ *не решил*.

1б. Предельные не конативные. В отрицательном контексте перфектив отрицает обычно не только результат, но и деятельность, так что имперфектив, который отрицает деятельность, и перфектив, который допускает отрицание деятельности, близки по значению; НСВ ≈ СВ. Например: *не читал* ≈ *не прочитал*.

2а. Моментальные динамические. Имперфектив в отрицательном контексте отрицает не только результат, но и деятельность. То же верно для перфектива. Так что имперфектив и перфектив квазисинонимичны – они совпадают в основных компонентах; различие касается только периферийных. Например: *не предлагали* = *не предложили*.

2б. Моментальные стативные. Форма НСВ прош. неспособна иметь ретроспективное результативное значение ни в положительном, ни в отрицательном контексте: НСВ ≠ СВ. Например: *не понимал* ≠ *не понял*.

Этими соотношениями и определяется возможность замены СВ на НСВ при «трансформации отрицания».

5. РАЗБОР ПРИМЕРОВ ИЗ РАЗДЕЛОВ 1 И 3

Вернемся к примерам (1.1)–(1.4). В примере (1.1) глагол *взять* можно считать моментальным динамическим (тип 2а); так что фраза (1.1б), с имперфективом, и (1.1в), с перфективом, квази-синонимичны. Оставаясь в пределах предложения, разницы между *не взял* и *не брал*, увидеть нельзя. Между тем, скажем, в контексте *...и тут же попал под дождь* предпочтение будет отдано перфективу *не взял*, поскольку для продолжения текста существенно сохранение результата.

В примере (1.2) форму СВ *принял* нельзя заменить на НСВ *принимал*, поскольку для несостоявшегося события принципиальна временная определенность: *не принял* обозначает событие, которое произошло в некий определенный момент, и этот момент служит точкой отсчета для обстоятельства *на другой день* в следующем предложении. События *не принял* и *велел* произошли, практически, в одно и то же время. Пример (1.2) выявляет очевидную дискурсивную роль видовой формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим несколько факторов, способствовавших решению проблемы взаимодействия отрицания с глагольным видом.

Первый фактор – становление **типологии** как новой области лингвистики; рассмотрение вида в типологической перспективе, которое позволило понять диалектику соотношения линейной аспектуальности (point of view aspect) с количественной в частных значениях русского имперфектива.

Второй фактор – **точка отсчета по Рейхенбаху**, интерпретированная как временная позиция наблюдателя. Наблюдатель позволил идентифицировать источник двух значений у НСВ: одно значение синхронное, другое ретроспективное. Одновременно это выявило общность в семантике НСВ «общефактического» и СВ: в обоих случаях есть ретроспективный наблюдатель.

Третий фактор – акциональные классы глаголов **Маслова – Вендлера** и отделение лексической составляющей в семантике вида от собственно грамматической.

Четвертый фактор – достижения отечественной **лексической семантики**, которые позволили различить (среди парных глаголов, т.е. глаголов, входящих в видовые пары) несколько аспектуально значимых классов: конативы (типа *уговорить*) и действия обычные не конативы (типа *открыть*); моментальные не перфектные (типа *взять*) и моментальные перфектные (типа *понять*), см. формальное определение акционального класса через схему толкования в системе «Лексикограф» [Падучева 2004б: 39–40].

Пятый фактор – вовлечение в сферу аспектологии **дискурсивных функций** вида. Здесь следует отметить компонент «временная определенность» в семантике СВ. Этот компонент составил надежную базу для выявления связей между внутрифразовым значением вида и его дискурсивными функциями.

Компоненты «деятельность» и «результат», так четко выявляемые семантикой коннотаций, существенны и для других аспектуальных проблем. Так, в модальных контекстах замена СВ в утвердительном контексте на НСВ в отрицательном обязательна, ср. пример, обсуждаемый в [Рассудова 1982] и в [Rapaport 1985: 212]):

(2) а. Надо *уйти* [СВ];

б. Не надо *уходить* [НСВ] / **уйти* [СВ].

Объяснение состоит в том, что деонтическая модальность требует акцента на деятельности (поскольку именно деятельность можно разрешить или запретить), т.е. акционального имперфектива, а не перфектива с его акцентом на результате.

Предлагаемое описание семантики имперфектива в отрицательном контексте, возможно, еще не дает полного свода правил, достаточных для того, чтобы научить иностранца правильно употреблять ретроспективный имперфектив (например, не отвечает на вопрос, почему «*Войну и мир*» писал Толстой звучит странно, а «*Карнавальную ночь*» ставил Рязанов – нормально; по поводу этого примера см., впрочем [Israeli 1996]). Но оно достаточно для того, чтобы идентифицировать смысловые различия между видовыми формами в предложении с глагольным отрицанием в заранее принятой системе формально опознаваемых признаков*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1980 – Ю.Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст». Wien, 1980.
- Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Бондарко 1971 – А.В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Булыгина, Шмелев 1989 – Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Всёволодова 1997 – М.В. Всеволодова. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова // Труды аспектологического семинара филологич. факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997.
- Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Исаченко 1960 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Кошмидер 1962 – Э. Кошмидер. Турецкий глагол и славянский глагольный вид. Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Маслов 1948 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // ИАН СЛЯ. 1948. Т. 7. № 4.
- Маслов 1976 – Ю.С. Маслов. Рец.: S.G. Andersson. Aktionalität im Deutschen // ВЯ. 1976. № 2.
- Маслов 1984 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Падучева 1974 – Е.В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1986 – Е.В. Падучева. Семантика вида и точка отсчета // ИАН СЛЯ. 1986. Т. 45. № 5.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004а – Е.В. Падучева. Накопитель эффекта и русская аспектология // ВЯ. 2004. № 5.
- Падучева 2004б – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

* Автор благодарен участникам семинара в ИППИ РАН под руководством Ю.Д. Апресяна, на котором обсуждалась эта работа, а также М.Я. Гловинской, которая прочитала работу в рукописи и указала на ряд недосмотров и неточностей в первоначальном варианте статьи.

- Падучева 2008 (в печати) – *Е.В. Падучева*. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. М., 2008 (в печати).
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. М., 2000.
- Плунгян 2004 – *В.А. Плунгян*. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского. М., 2004.
- Рассудова 1968 – *О.П. Рассудова*. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Рассудова 1982 – *О.П. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
- Borschev e.a. 2006 – *V. Borschev, E. Paducheva, B. Partee, Y. Testelefs, I. Yanovich*. Sentential and constituent negation in Russian BE-sentences revisited // Formal approaches to Slavic linguistics: The Princeton meeting 2005 (FASL 14). Ann Arbor, 2006.
- Forsyth 1970 – *J. Forsyth*. A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Groenn 2004 – *A. Groenn*. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. Oslo, 2004.
- Israeli 1996 – *A. Israeli*. Discourse analysis of Russian aspect: accent on creativity // JSL. 4. 1996.
- Kratzer 1978 – *A. Kratzer*. Semantik der Rede. Kronberg, 1978.
- Paducheva, Pentus 2008 – *E. Paducheva, M. Pentus*. Formal and informal semantics of telicity // S. Rothstein (ed.). Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect. Amsterdam, 2008.
- Partee 1973 – *B. Partee*. Some structural analogies between tenses and pronouns in English // The journal of philosophy. V. 70. 1973.
- Rappaport 1985 – *G. Rappaport*. Aspect and modality in contexts of negation // M. Flier, A. Timberlake (eds.). The scope of Slavic aspect. Columbus (Ohio), 1985.
- Smith 1997 – *C.S. Smith*. The parameter of aspect. 2-nd ed. Dordrecht, 1997.
- Tatevosov 2002 – *S.G. Tatevosov*. The parameter of actionality // Linguistic typology. V. 6. 2002.
- Timberlake 1985 – *A. Timberlake*. The temporal schemata of Russian predicates // M.S. Flier, R.D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax. Columbus (Ohio), 1985.